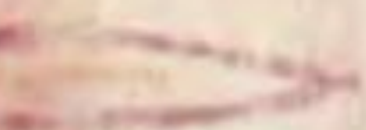

ПЕКУНЬ ТАЙДАВАТКЕ

По мотивам поэмы
ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО
в переводе ИВАНА
БУНИНА

Художник К. САПЕГИН

A watercolor illustration of a landscape. On the left, there is a basket filled with various flowers, including tall purple ones and smaller white and pink ones. In the background, there are soft, hazy mountains. On the right, a waterfall flows down a rocky ledge. A small deer is visible on the rocks near the waterfall. The overall color palette is soft and naturalistic, with muted greens, blues, and earthy tones.

Если спросите – отсюда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымном вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Я скажу вам, я отвечу:
„От лесов, равнин пустынных,
От озёр Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких...“

Сотни лет слогали индейцы Северной Америки легенды о Гайавате. Он—зачинатель земледелия, он побеждает злого волшебника—«Духа богатства, Духа неживых. Несёт племенам мир.

Гайавата жил в XV веке. Тогда кровавая колонизация белых пришельцев ещё не проникла в глубь страны, тогда сложился и окреп Союз племён—Союз мира, создателем которого считался Гайавата.

Легенды о Гайавате в XIX веке собрал и обработал американский поэт Г. Лонгфелло. Он внёс в сокровищницу мировой культуры своеобразную поэзию индейцев с её величавой простотой, гуманизмом, острым чувством природы.

На побережье Гитчи-Гюми, светлых вод Большого моря,
С юных лет жила Нономис, дочь ночных светил, Нономис. 4

Там, в тиши лесов и моря, внука нянчила Нокомис.
В люльке липовой качала, устланной кугой и мохом,
Нкрепко связанной ремнями...

Вечерами, тёплым летом, у дверей сидел малютка,
Слушал тихий ропот сосен, слушал тихий плеск прибоя,
Звуни дивных слов и песен.

Всех зверей язык узнал он, имена их, все их тайны:
Как бобёр жилище строит, где орехи белка прячет,

Отчего резва носуля, отчего труслив Вабассо;
Часто с ними вёл беседы, звал их „братья Гайаваты“.

Миновали годы детства, возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной, стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи снововни – всё постиг он, всё изведаль... 8

На побережье Гитчи-Гюми, светлых вод Большого моря,
Вышла старая Нономис, простирая в гневе руку
Над водой в стране заката.
Говорила Гайавате: „Там живёт волшебник злобный
Меджисогвон, Дух Богатства.

Лук возьми свой, Гайавата, острых стрел возьми с собою,
Томагаун Поггэвогон, рукавицы Минджинэвон
И берёзовую лодку... И убей ты чародея,
Отомсти врагу Нономис, отомсти врагу народа".

Гордо вдаль неслась пирога, грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата... Плыл всю ночь, пока
Не скрылся с неба бледный полный месяц.

А когда пригрело солнце, стало плечи жечь лучами,
Увидал он пред собою на холме Вигвам Жемчужный —
Меджисогвона жилище.

Быстро вышел Меджисогвон из Жемчужного Вигвама,
Быстро вышел он, могучий, рослый и широкоплечий,
Сумрачный и страшный видом.

И начался бой великий...
Целый летний день он длился, ибо стрелы Гайаваты
Бесполезно ударялись о жемчужную кольчугу.
Бесполезны были даже рукавицы Минджикэвен
И тяжёлый томагаун.

Наконец перед закатом, весь израненный, усталый,
С расщеплённым томагавком, с рукавицами в лохмотьях
И с тремя стрелами только, Гайавата безнадежно
На упругий лук склонился...

Вдруг зелёный дятел, Мэма, закричал над Гайаватой:
„Целься в темя, Гайавата, прямо в темя чародея,
В корни нос ударь стрелою: только там и уязвим он!“

В лёгких перьях, в халцедоне, понеслась стрела-певунья
В тот момент, как Меднисогвон поднимал тяжёлый камень,
И вонзилась прямо в темя, в норни длинных нос вонзилась.

Из вигвама чародея Гайавата снёс в пирогу
Все сокровища, весь вампум, снёс меха бобров, бизонов,
Соболей и горностаев, нитки жемчуга, колчаны —
И поплыл домой, ликуя, с громкой песнею победы.

Весь народ героя встретил пляской, пеньем, восклицая:
„Слава, слава Гайавате! Победён им Меджисогвон,
Победён волшебник злобный!“

Навсегда остался дорог Гайавате дятел Мэма!
В честь его и в память битвы он свою украсил трубку
Хохолном из красных перьев.

А богатства чародея разделил с своим народом,
Разделил по равной части...

An illustration of a Native American man standing in a forest. He is shirtless, wearing a white feathered headdress and a loincloth. He is looking up at a tree trunk, with his right arm raised towards it. The background shows several other trees in a wooded area.

„Муж с женой подобен луку,
Луку с крепной тетивой;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна...
Порознь оба бесполезны!“
Так раздумывал нередко
Гайавата и томился
То отчаяньем, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пыльным грезам
О прекрасной Миннегаге
Из страны Данотов диних.

Осторожная Нокомис говорила Гайавате:
„Не женись на чужеземке, не ищи жены по свету!..
Злобны дикие Дакоты, часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты, раны наши не закрылись!“

Усмехаясь, Гайавата так на это ей ответил:
„Потому-то и пойду я за невестой в край Данотов,
Для того пойду, Нономис, чтоб окончить наши распри,
Залечить навекі раны!“

И пошёл в страну красавиц, в край Данотов, Гайавата,
В путь далёкий по долинам в тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих...

У дверей в своём вигваме вместе с милой Миннегагой
Стрелоделатель работал. Он точил на стрелы яшму,
Халцедон точил блестящий.

Миннегага же в раздумье вспоминала, как весною Приходил к отцу охотник из земли Оджибузев... Сам отец потом нередко в нём хвалил и ум и храбрость.

Вдруг почудился им шорох, чья-то поступь в чаще леса.
Шум ветвей — и чрез мгновенье, разруганный ходьбою,
С мёртвой ланью за плечами, стал пред ними Гайавата.

Встала с места Миннегага, отложив свою работу,
Принесла к обеду пищи и стыдливо подавала с пищей
глиняные миски...

После села, стала слушать разговор отца и гостя.
Услыхала Миннегага о Нономис престарелой
И о счастье, о довольстве на земле Оджибузев.

„После многих лет раздора, многих лет борьбы и кровавой
Мир настал теперь в селеньях Оджибузев и Данотов!“ –
Так закончил Гайавата, а потом прибавил тихо: –
„Чтобы этот мир упрочить, закрепить навеки дружбу,
Дочь свою отдай мне в жёны, отпусти к нам Миннегагу!“

Призадумался немного старец, прежде чем ответить,
Посмотрел на гостя гордо, посмотрел на дочь с любовью
И ответил очень важно: „Это воля Миннегаги.
Как решишь ты, Миннегага?“

И смутилась Миннегага, и ещё милей и краше
Стала в девичьем смущенье. Робко рядом с Гайаватой
Опустилась Миннегага и, краснея, отвечала:
„Я пойду с тобою, муж мой!“

Весел был их путь далёний по холмам и по долинам,
Хоть и тихо Гайавата шёл теперь — для Миннегаги.
На руках через стремнины нёс он девушку с любовью,
Лёгким пёрышком назалась эта ноша Гайавате.

Так в вигвам Нокомис старой возвратился Гайавата
Из страны Дакотов диних с Миннегагою прекрасной,
И была она в вигваме огоньном его вечерним,
Светом лунным, светом звёздным, светлым солнцем для народа.

Из долины Тавазента, от скалистых гор далёних,
От озёр Страны Полночной
Все народы увидали отдалённый дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира.

Вдоль потоков, по равнинам, шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Номанчи, шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могони, Оджибвэи и Дакоты, — шли к горам
Большой Равнины, пред лицо Владыки Жизни.

И величественный голос, голос, шуму вод подобный,
Шуму дальних водопадов, прозвучал ко всем народам:
„Погрузитесь в эту реку, смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови, закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!”

И все воины на землю тотчас кинули доспехи,
Смело бросились в реку, смыли краски боевые...
Мутной красною волною ниже их вода лилася,
Словно смешанная с кровью.

Смывши красни боевые, вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли, погребли в земле доспехи,
Закурили Трубку Мира
И пустились в путь обратный...

Погребён топор кровавый, погребён на вени в землю
Тяжкий, грозный томагук, – мир настал среди народов.
Мирно мог теперь охотник строить белую пирогу,
На бобров напканы ставить и ловить сетями рыбу;

Мирно женщины трудились: гнали сладный сок из клёна,
Дикий рис в лугах собирали и выделывали кожи.

Вокруг счастливого селенья зеленели пышно нивы.
Это женщины весною обрабатывали нивы,
Хоронили в землю маис на равнинах плодородных.

Это женщины под осень жёлтый плащ с него срывали,
Обрывали косы, перья, как учил их Гайавата.

КОНЕЦ

Сканировал *Сергей Калабухин* - 2:5016/7

Сценарий Н. Топорнова

Редактор Г. Налашникова

Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1967 г.

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30

Д-103-67

